

Глава 11

Вань Дунъян сидел на соседнем камне. Лю Цишуан несколько мгновений смотрел на протянутую к нему руку — с длинными пальцами и широкой ладонью, — а затем перевёл взгляд на красивое пирожное, лежавшее на ней. Ему показалось, что он чувствует не только аромат сладости, но и запах, исходящий от самого юноши.

Запах мыльного корня. Непонятно только, от одежды или от кожи.

Вань Дунъян всегда был опрятным. Вообще, вся семья Вань отличалась чистоплотностью. Крестьянам приходилось много работать, и запачкаться в земле было обычным делом. Вань Дунъян не был исключением, но его одежда никогда не бывала грязной, рваной или засаленной. Он никогда не выглядел неряхой.

Лю Цишуан невольно опустил взгляд на воротник и рукава своей рубахи, на штанины. Одежда была относительно чистой, если не считать нескольких больших заплат на коленях и плечах. Лишь убедившись в этом, он с некоторым облегчением взял пирожное из рук Вань Дунъяна.

Деревенские старики говаривали: «Смеются над грязным, а не над бедным». В заплатках нет ничего страшного, главное — не ходить в грязи.

Взяв пирожное, Лю Цишуан, опустив голову, поблагодарил его. Он хотел, пользуясь случаем, взглянуть Вань Дунъяну в лицо, но не решился.

Он и сам не понимал почему. У него хватило смелости столкнуть этого человека в рисовое поле, но теперь, находясь так близко, он боялся поднять на него глаза. А если их взгляды встретятся, ему станет ещё страшнее. Казалось, будто его потрёпанный вид неуместен рядом с этим человеком.

Он не понимал, откуда взялись эти мысли, а о том, чего не понимал, старался долго не думать. Теперь, когда пирожное было у него в руках, появилась новая забота: как бы незаметно спрятать его и отнести дедушке? Пока он размышлял, Вань Сяохуа с нетерпением заговорила, и он понял, зачем они сюда пришли.

Оказалось, это Вань Сяохуа захотела пойти в горы за дикими цветами. Матушка Вань отпустила её с Вань Дунъяном, но дала им задание: накопать цветущей пастушьей сумки и нарвать побегов туны.

Приближался третий месяц, и пастушья сумка на полях уже огрубела и зацвела. Есть её было нельзя, зато в отваре из её цветов варили яйца. В прошлом году примерно в это же время его отчим относил много яиц в дом семьи Сюй, говоря, что старики там хотят поесть яиц, сваренных с цветами пастушьей сумки.

А туна — её едят всего десять-пятнадцать дней в году. У неё сильный аромат: кто-то его обожает, а кто-то не переносит на дух.

В их семье дедушка Лю и он сам любили туну и считали, что яичница с ней пахнет восхитительно. А вот Лю Цунсян с мужем её не ели. Особенно Сюй Шифань — его тошнило от одного запаха.

Лю Цишуан иногда думал: вот бы от запаха туны можно было умереть.

Он помнил, как его отчим несколько раз принюхивался.

— Лю-гээр, ты зачем в горы идёшь? Тоже за тунной? — Вань Сяохуа наклонилась, протянула руку и потянула Вань Дунъяна за рукав, словно её дядя мешал им, сидя между ними.

Ей стало неудобно разговаривать с Лю-гээрром.

На лицо Вань Сяохуа Лю Цишуан смотреть не боялся. Он тоже слегка наклонился и, улыбнувшись, ответил:

— Я ищу цветы мушмулы. Но я знаю, где растёт туна. Там ещё много диких ягод, только они ещё не созрели. Их можно будет есть в четвёртом-пятом месяце.

Весной в лесу полно диких цветов и трав, а ягоды созревают летом и осенью. Лю Цишуан вздохнул с сожалением. Цветы и травы его не интересовали, он любил ягоды — ими можно было наесться.

— Зачем тебе опять цветы мушмулы? — не понял Вань Дунъян. Если для отвара, то тех, что они собрали у него дома, было более чем достаточно. А вот если как лекарственное сырьё, тогда понятно.

Цветы мушмулы использовали в медицине. Их обжаривали, а затем варили с мёдом — получался отвар от кашля, смягчающий лёгкие. В детстве он пил такой не раз.

Но на самом деле...

— Обменять у дедушки Цзяна на лекарство, — слова вырвались сами собой. Лю Цишуан редко говорил с кем-то о таких вещах. Всё равно бесполезно: что бы он ни сказал, его тут же обвиняли в том, что он жалуется, чтобы вызвать сочувствие и что-нибудь выпросить.

Но раз уж он начал, то рассказал, что его дедушка кашляет уже несколько дней.

— Зачем так усложнять? Цветы мушмулы можно сначала обжарить, а потом заварить — это тоже помогает от кашля. Если не поможет, то и листья мушмулы подойдут. Или можешь выкопать немного ушастого ветреника. А если добавить мёд, то эффект будет ещё лучше, — Вань Дунъян, который ходил с братом за травами, знал кое-что о лекарственных растениях и сейчас с гордостью делился знаниями. Он и не подозревал, что его слова гулко отдавались в голове собеседника, отчего у того даже покраснели глаза.

В голове Лю Цишуана билась одна мысль: «отвар из листьев мушмулы». Он вспомнил, что в прошлый раз в лекарстве от дедушки Цзяна, хоть оно и было измельчено, некоторые кусочки очень походили на листья мушмулы.

Он и тогда подумал, что это они и есть, но дедушка сказал, что многие травы похожи на вид, но свойства у них разные. Взять, к примеру, туну и листья лакового дерева — их молодые побеги выглядят одинаково. Да и кто бы стал продавать простые листья мушмулы за десять с лишним вэней?

Дедушка Цзян не сказал ему, что листья мушмулы тоже помогают от кашля. Лю Цишуан не винил его. Ну и что, что листья? Семья Цзян продавала в основном травы, которые сами собирали в горах. Знание, какая трава от какой болезни помогает, — это их способ заработка, как можно делиться им с посторонними?

Он просто не ожидал, что в обмен на дорогую пинеллию, которую он собирал всё лето, не зная отдыха, он получит всего лишь горстку листьев мушмулы. И вдобавок ко всему ему ещё и приходилось выслушивать упрёки Цзянов в том, что он пользуется их добротой.

Внезапно встав, Лю Цишуан захотел немедленно пойти к Цзянам. С прошлым уже ничего не поделаешь, но он хотел забрать хотя бы сегодняшние цветы мушмулы. Тогда ему не придётся зря тратить время в горах.

Но порыв был мимолётным. Лю Цишуан быстро остыл, понимая, что идти к Цзянам бесполезно.

Семья Цзян была деревенскими лекарями, и их уважали. Врачи в городе брали дорого: одна только плата за приём стоила больше, чем лекарство у Цзянов. Крестьяне, для которых каждая медная монета была на счету, не могли позволить себе тратиться на такие мелочи, как головная боль или простуда.

Иметь в деревне своего лекаря было и удобно, и выгодно. Кто в здравом уме станет с ними ссориться? Это значило бы настроить против себя всю деревню.

Он прекрасно знал, как к его семье относятся в деревне. Если он пойдёт к Цзянам, то не факт, что вернёт свои цветы. Зато через несколько мгновений о нём поползут самые грязные слухи, и никто не заступится.

Он уже не ребёнок, ему скоро нужно будет искать пару. Репутацию портить нельзя.

Они пошли дальше. Всю дорогу Вань Сяохуа щебетала, как птичка. Вань Дунъян, чтобы её утихомирить, то и дело совал ей в рот конфеты. При этом он не забывал и о Лю Цишуане, который шёл впереди молча: каждый раз, давая конфету племяннице, он протягивал пару и ему.

В первый раз Лю Цишуан взял не раздумывая. Когда он ходил куда-нибудь с Сайюэ и другими, они тоже делились друг с другом едой. Но когда это повторилось, он отказался.

— У меня ещё есть, — сказал Лю Цишуан, похлопав по карману. Но Вань Дунъян и слушать не стал, лишь бросил на него укоризненный взгляд.

— Ну что ты за ребёнок, дают — бери. Чего в карман прячешь? У тебя же нет ни младших братьев, ни сестёр.

Сказав это, Вань Дунъян посмотрел на него так, словно собирался сам засунуть конфеты ему в карман. Лю Цишуан, почему-то испугавшись его прикосновения, поспешно взял их. Под пристальным взглядом Вань Дунъяна он развернул одну и положил в рот.

Как только конфета коснулась языка, рот наполнился густым фруктовым ароматом, а пересохшее горло увлажнилось. Сладкий вкус ударил в голову, и Лю Цишуан, осмелев, обратился к Вань Дунъяну с неслыханной просьбой.

— Я отдам тебе часть денег с продажи. Хорошо? — Лю Цишуан решил, что больше не будет обменивать травы у Цзянов. Он будет собирать их сам, но продавать будет не он.

Он хотел попросить Вань Дунъяна продать их и тайно передать ему деньги.

Произнося эти слова, Лю Цишуан чувствовал, как сердце колотится громче, чем шумит ручей рядом. Он боялся, что его обругают или откажут. Но, к его удивлению, Вань Дунъян согласился без малейших колебаний, словно в этом не было ничего сложного.

— Хорошо.

Хорошо.

Он согласился. Он так просто согласился.

Как же здорово! Теперь он сможет копить деньги и больше не придётся ходить на поклон к Цзянам!

Мрачное лицо Лю Цишуана мгновенно прояснилось. Но в этот момент счастливее всех была Вань Сяохуа.

Они наткнулись на цветущий ясенелистный клён. Гроздьё то ли листьев, то ли цветов яркими красками украшали ветви. Издали они походили на жёлтые шёлковые нити, унизанные алыми самоцветами. Лёгкий ветерок колыхал их, и они танцевали в воздухе, словно кисточки. Это было невероятно красиво.

Вань Сяохуа пришла в неописуемый восторг. Она теребила свои косички и прыгала на месте, показывая на цветы и крича:

— Дядя, я хочу, хочу! Сорви мне, скорее сорви!

Вань Сяохуа была не очень похожа на Вань Дунъяна, она пошла в мать — у неё было милое круглое личико и большие миндалевидные глаза.

То ли от усталости, то ли от волнения, её щёки покраснелись, и она сама стала похожа на прекрасный цветок.

Ствол клёна был толстым, но, казалось, изъеденным жуками и не очень надёжным. Вань Дунъян не стал лезть на дерево, а просто нашёл место повыше, встал на цыпочки, дотянулся до ветки и сломал её.

На одной ветке было с десяток цветов. Он разломил её надвое и протянул тем, кто с нетерпением ждал.

Вань Сяохуа радостно взяла свою часть и принялась вплетать цветы в косы. Лю Цишуан с сомнением тоже взял, но просто держал в руке.

— Лю-гээр, почему ты не украшаешь волосы? У тебя же высокий пучок, вдень один цветок, будет очень красиво, — у Вань Сяохуа сегодня были две высокие косички. Вплетя по цветку в каждую, она добилась того, что их тычинки свисали до самых ушей, и это действительно походило на дорогие украшения с кисточками из лавки.

Лю Цишуан с улыбкой покачал головой. На голове невинного и милого ребёнка эти красивые цветы смотрелись игриво и забавно. А на его голове это было бы просто уродством, вызывающим насмешки.

Но весной было много и других красивых цветов, не только у ясенелистного клёна. Чем выше они поднимались, тем больше диких цветов росло у ручья. Вскоре голова Вань Сяохуа была увенчана целым венком, и в руках она держала большой букет. Особенно выделялись фиалки — с большими и яркими лепестками. Если бы такие росли у дома, они стали бы прекрасным украшением.

Они вышли из дома около половины часа сы. Прошёл уже больше часа, и они ушли далеко от деревни. Лес вокруг изменился: на смену соснам и кориарии пришли клёны, тунговые деревья и какие-то низкие кустарники, названий которых они не знали. Трава под ногами тоже стала другой: появилось больше съедобных растений, а не просто зелёный ковёр.

Увидев примерно в ста метрах впереди ряд бруссонетий, Лю Цишуан остановился, уперев руки в бока, и радостно сказал:

— Почти пришли. Я помню, там много туны.

Цель похода Лю Цишуана давно изменилась. Теперь он хотел собрать не цветы мушмулы, а туну. А цветы и листья мушмулы он сорвёт позже с дерева Вань. Он уже спросил, и Вань Дунъян разрешил ему брать, когда захочет, не спрашивая.

Память не подвела Лю Цишуана, и они быстро нашли деревья туны. Вань Дунъян и Лю Цишуан принялись за дело, только Вань Сяохуа неспешно уселась на поляне и продолжила возиться со своими цветами, видимо, собираясь сплести венок.

Лю Цишуан сегодня взял с собой корзину. Он аккуратно складывал в неё побеги туны, думая, что на обратном пути нужно будет срезать пучок ситника, чтобы связать их. Тогда завтра можно будет сразу нести на продажу.

Ручей, вдоль которого они шли, летом был широким и полноводным. Сейчас, весной, по его краям оставалось много камней, не покрытых водой. Идти по камням было труднее, чем по земле, к тому же в горах местность была неровной, и иногда приходилось карабкаться, помогая себе руками.

Путь сюда отнял у них немало сил, на лбу выступил пот. Но они без промедления принялись за работу, и капельки пота не успевали высохнуть, холодя кожу на ветру.

Лю Цишуан вытер лоб и продолжил собирать. Он работал быстро и усердно, и вскоре все нижние ветки были обобраны. Тогда он нацелился на верхушки и уже собрался лезть на дерево, но Вань Дунъян его остановил.

— Я полезу, а ты подбирай.

Сказано — сделано. Вань Дунъян засунул серп за пояс, обхватил ствол, выгнул спину и, перебирая руками и ногами, быстро вскарабкался наверх.

Листья туны, как молодые, так и взрослые, держались на ветках некрепко, словно спелые плоды конфетного дерева — стоило сильно потрясти, и они осыпались.

Забравшись на дерево, Вань Дунъян срубил серпом тонкие ветки, а на толстые вставал и

сильно тряс, чтобы сбросить побеги.

Но падающие с дерева листья туны падали не на землю, а словно на сердце Лю Цишуана. Оно подскочило к горлу, и он даже боялся дышать.

Он слышал, что деревья туны очень хрупкие и ломаются от одного прикосновения.

— А-а!

Нет, он же просто подумал об этом! Как это могло случиться? Неужели мимо проходил какой-то бог?

<http://bllate.org/book/13415/1194070>